

УДК 101.3

Е. И. Ергеева
аспирант кафедри
філософії і методології познання
історико-філософського факультета
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

ТРАНСФОРМАЦІЯ СУБ'ЄКТИВНОСТІ: ОТ СОГІТО К ПРАКТИКАМ СЕБЯ

Вопрос о субъекте и природе субъективности человека является ключевым для философии. В разное время проблема субъективности ставилась по-разному, и, в зависимости от типа философствования, формировался ответ. Условно типы философствования можно разделить на классический, неклассический и постнеклассический. Классический тип философствования предполагает наличие системы образцов, определяющих соотношение и понимание основных сфер бытия: природы, человека, познания, мышления. Для классического рационализма характерно представление о «прозрачности» для познающего субъекта о собственном сознании. Более того, для классической рациональности характерно четкое разделение на познающий субъект и познаваемый объект.

Но абстрактные образцы вели к формированию обобщенных образов, в частности к обобщенному образу человека. В качестве реакции на классический тип философствования нарастала неклассическая ситуация и обобщенный образ субъекта превращался в одну из методологических форм для решения частных задач. Абстрактный познающий субъект постепенно уступал место конкретному человеку с его частными заботами и переживаниями, что, в свою очередь, привело к развитию антропологической проблематики. Субъективность все больше освобождалась от гносеологических оценок. Традиционная субъект-объектная парадигма распалась, что впоследствии привело к развитию «бессубъектной философии».

Примерно со второй четверти XX века вопрос о субъективности вступает в резонанс с вопросом поиска человеческих ресурсов развития общества. Сама социальность предстает разделенной между множеством субъектов, а проблема субъективности предстает как проблема субъектности индивидов, как формы развития социальности.

В исследовательской литературе последних лет ведутся дискуссии (в основном во французской философской мысли) относительно того, кто последует за субъектом, если субъект классической философии оказался мертв [8]. Французский философ В. Декомб переводит понятие субъекта из философии разума в философию истории, привлекая практические области – этику и политику [2]. Американская исследовательница Джудит Батлер, обращаясь к понятию «субъективность» сквозь призму гендерных исследований, говорит о перформативном складывании субъективности: действие является первичным по отношению к субъектной структуре [1]. Тем не менее, несмотря на глубокие исследования, касающиеся субъективности в постнеклассическом дискурсе, постараемся дать более-менее цельный взгляд на трансформацию субъективности.

Итак, цель статьи состоит в выявлении различия в подходах к теме субъективности в классической и современной философии. Для достижения цели необходимо решить следующие взаимосвязанные задачи:

- прояснить, как понималась субъективность в классической философии;
- как возможна субъективность в ситуации «смерти субъекта».

Постнеклассический дискурс характеризуется открытостью и полифоничностью; исследователи выстраивают свой тип философствования, обращаясь к предыдущим эпохам, а многие категории, рассматриваемые прежде лишь в рамках философского рассуждения, сегодня переходят в поле междисциплинарных исследований. В XX столетии дискуссии вокруг понятия «субъект» не стихают: феноменология

выступает против жесткого субъект-объектного разделения, по сути, они сливаются воедино в феномене как структуре сознания, экзистенциалисты (в частности Ж.-П. Сартр) предпринимают попытки демистификации субъекта, трактуя его как «оптическую иллюзию» или «порождение акта коммуникации». Структурализм и герменевтика сводят понятие «субъект» к чему-то малозначимому и смертному. С.Ф. Денисов приводит основные отличия: модерну свойственны центрированность, неравенство и иерархия ценностей, цель, нетерпимость и неравноправие, мужское начало, конструкция, созидание, определенность и оседлость, глубина, территориальность, сюжет, серьезность, взрослость, тогда как постмодерну присущи их противоположности. Это децентрированность, равенство и анархия ценностей, бесцельность, плюральность, толерантность, женское начало, деконструкция, разрушение, неопределенность, номадность, поверхность, детерриториальность, скольжение, коллаж, игривость, детскость [3].

Французский философ и филолог Барбара Кассен анализирует понятие «Sujet»/«Субъект» в духе лингвистического поворота, когда внимание исследователя концентрируется на объективированных структурах языка, вне его связи с субъектом. Французское слово «sujet» имеет три основных значения в зависимости от выделения основной идеи: субъектности – *subjectit*, субъективности – *subjectivité* или подчиненности – *sujeton*. Данное слово имеет греко-латинское происхождение.

Понимание и рассмотрение слова «Sujet» в связи с идеей подданства и подчинения и идеями доминирования и преобладания становится особенно важным при анализе современной французской философии, в частности подходов Ж. Лакана и М. Фуко. Таким является изначальное значение слова *subject* в английском языке, которое выражает «тот, кто пребывает под властью суверена» [5, с. 148]. Именно эта амбивалентность подчеркивается в основной категории, используемой в методологии Фуко, – «субъективация». «Assujettir» (буквально «подчинять») означает как процесс конституирования субъекта, так и наличие внутренних механизмов, осуществляющих это подчинение.

Значительный поворот к трансцендентальной субъективности осуществлен Рене Декартом, который сделал акцент на разуме и самосознании. Декарт склонен отождествлять сознание и мышление, а его принцип «*cogito ergo sum*» являлся необходимым принципом в построении его метафизики в целом. Субъект в понимании Декарта и в новоевропейской метафизике в целом предстает как нечто самоочевидное и изначальное данное, а стало быть, находится в значительном отличии от объектов.

В XX веке инстанция субъекта, подразумеваемая в современной философии Декарта, Канта и Гегеля, ставится под вопрос.

Остановимся на вопросе, который ставит Ж.-Л. Нанси в одноименном эссе: «Кто придет после субъекта?» Если за «субъектом» больше ничего нет – ни его авторитета, ни ценности, тем не менее, должна быть какая-то сингулярность, точечность или «этовость» [7, с. 30]. Место субъекта должен кто-то занять, и возникает резонный вопрос: «Кто такой кто?» Это, прежде всего, вопрос идентичности и, по мнению, Ж.-Л. Нанси, вопрос присутствия. Присутствие не является сущностью, но оно всегда принадлежит «Я», т. е. оно всегда «мое» и оно не может отчуждено от «меня». Присутствие – это то, посредством чего происходит вхождение в мир «Я» и в этой связи Ж.-Л. Нанси замечает: «Вхождение в присутствие множественно, «в каждом случае наше»

в той же мере, сколь и «мое» [7, с. 40]. Множественное присутствие как совместное бытие множества единичностей, сингулярностей является одной из основных идей, которые выдвигает Ж.-Л. Нанси.

Что же подвергается критике Ж.-Л. Нанси? Помимо модерна понимания субъекта, критике подвергается закрытость или монадность субъекта и, как следствие, индивидуализм: «Индивидуализм – это непоследовательный атомизм, забывающий, что судьба атома есть судьба мира» [8, с. 7].

Последовательная оппозиция между понятиями «субъект» и «индивид» проводится А. Рено. Хотя А. Рено и соглашается с М. Хайдеггером в том, что Новое время начинается с возникновения гуманизма, а новоевропейская философия – с философии субъекта, он ставит задачу обнаружить, когда же в модерной философии возникает «индивидуалистическое извращение». Термин «индивидуализм» использовался, прежде всего, для обозначения социально-политических феноменов реальности. Что касается философии, то здесь А. Рено обращается к анализу индивидуалистической концепции Луи Дюмона, который исходит из противопоставления двух систем: «холистической» и «индивидуалистической». Западноевропейскую историю Луи Дюмон рассматривает как переход от первого типа системы ко второй, решающую роль в котором сыграл кальвинизм с его идеей «равенства всех перед Богом», а также Декларация прав человека 1789 года с основополагающими идеями свободы, равенства, братства – основополагающими положениями индивидуализма. Тут надо сделать уточнение, что самого по себе равенства недостаточно для возникновения индивидуализма, необходимо дополнить его идеей независимости, что и сделала европейская культура в XVIII веке.

А. Рено замечает: «Субъект умирает <...> вместе с появлением индивида» [9, с. 80]. Чтобы проследить истоки зарождения индивидуализма, А. Рено проводит концептуальное различие между понятиями «автономия» и «независимость». Понятие «автономия» А. Рено берет у И. Канта, который понимал «автономию» как единство дающего закон и подвластного ему (закону), – в оппозицию «гетерономии», навязыванию закона извне как идущего от чего-то радикально иного. Согласно И. Канту, человек свободен, если он в состоянии достичь тождества своего индивидуального сознания с практическим (моральным) разумом трансцендентального субъекта, составляющего подлинную природу человека, и вполне следовать ему, что означает: определять свою волю разумом. То есть ценность автономии допускает ограничение «Я» через добровольное подчинение всеобщему закону. По мнению А. Рено, «ценность автономии является конститутивной для демократической идеи» [9, с. 109]. Интерсубъективностью, как полагает А. Рено, надо рассматривать как признание другого в качестве Alter Ego, а не как кого-то, кто «выше» или «ниже».

На что ориентируется идеология индивидуализма? На полное отрицание всевозможных ограничений, на отрицание общезначимых норм, т. к. они противоречат основному кредо индивидуализма: «у каждого своя истина». Свобода, согласно воззрениям индивидуализма, состоит в том, чтобы следовать «своей природе», а поскольку природа человека состоит в желаниях, потребностях, следовательно, свобода состоит в том, чтобы следовать своим желаниям.

Истоки современной ситуации А. Рено видит в монадологии Г. Лейбница, которая «выражает саму сущность индивидуализма Нового времени» [9, с. 137]. Среди упреков, которые А. Рено предъявляет Г. Лейбницу, основным является тот, что монада – это субъект в качестве индивида, субъект, испорченный индивидуализмом. По мнению А. Рено, теория Г. Лейбница исключает субъекта и субъективность, поскольку отрицает тотальность самосознания: на онтологическом уровне утверждает существование т. н. «неосознательных монад», а на антропологическом – утверждает наличие у человека «незаметных восприятий», то, что позже назовут бессознательным. Монады обладают полной автаркией, т. к. «не имеют окон, через которые что-либо

могло бы войти туда или оттуда выйти». Если рассмотреть антропологический срез данного утверждения, люди абсолютно независимы друг от друга, не имеют между собой никакого общения. Г. Лейбниц для разрешения данного вопроса вводит понятие «предустановленная гармония»: «Вместе с Лейбницем оказывается завоеван (и философски обоснован посредством индивидуализма в онтологическом смысле термина) тот главный принцип, который оправдывает индивидуализм в этическом смысле термина: именно в силу сосредоточенности на самом себе и заботы только о самом себе, вследствие своей независимости и подчинения закону своей природы (формуле, которая его характеризует), каждый индивид способствует проявлению порядка универсума, гармонии и рациональности целого. Впервые больше нет непреодолимого противоречия между заботой о себе, исключительной заботой о сохранении «нашего индивида» и утверждением рациональности целого...» [9, с. 185]. Независимость как свобода от всякого рода ограничений мыслится как неотъемлемое свойство монады и индивида; это – следование своей природе. Согласно взглядам Г. Лейбница, природа каждой монады уникальна, следовательно, свобода состоит в том, чтобы экстериоризировать свой особый мир. Современный либерализм утверждает, что люди имеют одинаковую природу и все стремятся к удовлетворению своих идентичных потребностей, следовательно, поэтому между ними возникает массовый спрос на одни и те же товары и услуги, а значит, и конкуренция. Отсюда возникает парадокс: с одной стороны, триумф индивида, с другой – «дисциплинарное общество» М. Фуко.

Хотя М. Фуко говорит о смерти субъекта, речь идет не об устранении проблемы субъекта из философского дискурса, но об ином понимании субъекта. М. Фуко отказывается от субъекта в картезианском понимании, от субъекта как изначальной данности. В то же время философ говорит о «заботе о себе» и о «производстве себя», мысля субъекта как производящего себя.

В качестве основной методологической установки Мишель Фуко выбирает генеалогию, которую он заимствует у Ф. Ницше. Генеалогия в случае М. Фуко оказывается подходом, который не имеет изначального основания. Генеалогия выступает как альтернатива историческому основанию и не предполагает изначального основания. Подобная генеалогия позволяет рассматривать социокультурное явление как полностью сконструированное в прошлом, без каких-либо модификаций во времени. Основной задачей М. Фуко является генеалогический анализ власти как системы дисциплинарных процедур, закрепленный в различных дискурсах.

Отказываясь от идеи априорной субъективности, Мишель Фуко не отказывается от субъекта в историческом смысле. В традиции новоевропейской философии субъектность выступает как волящее и действующее самосознание, в основе которого находится самотождественность. Фихте выразил это формулировкой «Я есть Я». А.С. Колесников справедливо отмечает: «В новоевропейскую философию закладывается господство субъекта: «через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике преимущественно человек, человеческое «Я» [6, с. 12].

Таким образом, субъектность – это нечто, что пребывает в становлении, а не задано изначально, поскольку с самим собой он устанавливает разные типы отношений в политической, социальной или частной сфере. Кроме того, М. Фуко отказывается от изначально заданного субъекта, поскольку в его задачи входит показать, как формируется субъект в процессе властных отношений. М. Фуко говорит о «складывании» субъективности. Сам термин «складывание» указывает на соотношение внутреннего и внешнего. Внешняя сторона складывания субъективации включает в себя влияние социальных институций, которые влияют на индивида, тем самым определяя его в качестве субъекта. Внутренняя – интеллектуальные, волевые и моральные усилия индивида. С.И. Голенков отмечает, что внутренняя субъективация позволяет человеку привести в соответствие мир внутренний и внешний. «Субъективацией я назову процесс, посредством

которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря, субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» [10, с. 284].

Внешняя субъективация, по мнению Мишеля Фуко, состоит из объективирующих процедур и практик, основная цель которых – идентифицировать. Важным видом индивидуализирующих практик являются практики наказания. Более лояльными практиками субъективации являются дисциплинарные практики, к которым Мишель Фуко относит:

– иерархический надзор: организация многих городов напоминает военный лагерь, тем самым делая жизнь горожан полностью видимой и подконтрольной властным структурам;

– нормализующее наказание – напоминает минисуд; призвано бороться с отступлениями и направлено на выравнивание и приведение к однородности порядков и правил в дисциплинарных структурах;

– экзамен соединяет в себе элементы двух предыдущих видов дисциплинарных практик, соединяет в себе властные отношения с отношениями знания.

«Дисциплина, – пишет М. Фуко, – «фабрикует» личности, она – специфическая техника власти, которая рассматривает индивидов и как объекты власти, и как орудия ее отправления».

Таким образом, внешние практики субъективации выбирают субъекта в качестве некоторой отправной точки для процедур разделения, направленных на формирование множественной субъективности, что затрудняет существование субъекта как целостного и самоощущенного, а, следовательно, свободного.

Если говорить о внутренней субъективации, то здесь речь пойдет о «техниках себя», через которые субъект конструирует себя как такового. Под «Техниками себя» Мишель Фуко понимает следующее: «Практики рефлексивные и произвольные, с помощью которых люди не только устанавливают себе правила поведения, но стремятся также преобразовывать самих себя, изменять себя в своем особом бытии и делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля» [10, с. 260]. Иными словами, это практики, которые делают из человеческой жизни произведение, «техне» человеческой жизни. Во многом следуя за повлиявшим на него Пьером Адо, который развивал концепцию философии как искусства жизни на базе позднеантичной культуры, М. Фуко обращается к дельфийскому принципу: «Познай самого себя». В античности этот принцип не был отвлеченным от жизни, он связывался с практическим принципом заботы о себе (само понятие «заботы о себе» также восходит к античности, тогда как «практики себя» «les techniques de soi» – понятие, используемое М. Фуко). И для стоиков, и для эпикурейцев, чья философия традиционно рассматривается в связи с понятием удовольствия, большое внимание уделялось практикам «заботы о себе» или «духовным упражнениям». И для Эпикура, и для стоиков философия была врачеванием души: «Мы должны заниматься врачеванием себя». В работе над собой были заложены как этические, так и эстетические коннотации. У М. Фуко в поздний период творчества происходит утверждение такого антропологического проекта, как «эстетика существования»: «Меня удивляет, что в нашем обществе искусство связывается только с предметами, а не с индивидами и не с жизнью, разве жизнь каждого не могла бы быть произведением искусства, а не наша жизнь?» [10, с. 280]. И на вопрос о том, как возможна этика и какой моралью руководствоваться, М. Фуко отвечает, что нет никакой этики, кроме эстетики.

Опираясь на генеалогический метод М. Фуко, Дж. Батлер выдвигает теорию перформативной субъективности, которая отвергает существование додискурсивного «Я» в структуре идентичности, которое предшествовало бы установлению значений. Перформативная теория, как известно, исходит из первичности «действия» по отношению

к субъективной структуре: так, к примеру, Дж. Батлер утверждает, что действие может быть совершенно без всякой корреляции по отношению к «Я».

Таким образом, если субъективность не субстанциальна и не является предзаданной, она конструируется посредством практик и техник. Мишель Фуко определяет субъекта как точку пересечения исторически сложившихся дискурсов, в результате чего субъект оказывается лишенным внутреннего единства. Субъект не субстанциален, он представляет собой определенную историческую форму, подверженную изменениям. Само понятие «субъект» в трактовке М. Фуко приобретает двойной смысл: «субъект», находящийся в подчинении другого через состояния зависимости, подчинения и контроля; и субъект, связанный со своей идентичностью посредством сознания или через самопознание, через практики себя. Если перефразировать известную максиму, можно сказать, что человеку следует не находить себя, а создавать. И здесь речь идет не столько о конечном «проекте» – идеальном self-made man, сколько о процессуальности, следовании «своему пути», «своим целям». Здесь актуальным становится понятие практик себя, к которым можно отнести художественные, религиозные и другие практики, в ходе которых человек становится самоценным образованием.

Литература

1. Батлер Джудит. Заметки к перформативной теории собрания. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.
2. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
3. Денисов С.Ф. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды. Омск: Изд-во Ом ГПУ, 2004. 216 с.
4. Голенков С.И. Понятие субъективации у Мишеля Фуко. URL: <http://www.phil63.ru/ponyatie-subektivatsii-mishelya-fuko>.
5. Кассен Б. Европейский словарь философии. Київ: Дух і Літера, 2013. Т. 4. 2013. 576 с.
6. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии. Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 10–25.
7. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. Минск: Логвинов, 2004. 271 с.
8. Nancy J.-L. Who Comes After the Subject? Routledge, 1991. P. 1–9.
9. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. 474 с.
10. Фуко М. Возвращение морали. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Москва: Праксис, 2006. Ч. 3. 324 с.

Аннотация

Ергеєва Е. И. Трансформация субъективности: от cogito к практикам себя. – Статья.

В статье рассмотрены подходы к обоснованию и формированию субъективности в классической и современной философии. Вслед за В.С. Степиным, принимая в качестве методологической установки разделение философии на классическую, неклассическую и постнеклассическую, автор большое внимание уделяет теме субъективности в постнеклассической философии. На основании текстов М. Фуко, Ж.-Л. Нанси, А. Рено анализируется понятие субъективности в ситуации «смерти субъекта». Автор обращает внимание на онтологизацию индивидуализма, на основании тестов А. Рено анализирует предпосылки его возникновения в новоевропейской культуре. Проводится различие между субъективностью и индивидуализмом, рассмотрена критика субъекта современной философии с позиции антииндивидуализма и холизма. Подвергается критике декартовского субъекта с его целостностью и самодетерминированностью, выдвигается тезис, что субъективность конструируется посредством «техник себя» или «практик себя».

Ключевые слова: субъект, субъективность, классика, постнеклассика, практики себя.

Анотація

Єргєєва К. І. Трансформація суб'єктивності: від cogito до практик себе. – Стаття.

У статті розглянуто підходи до обґрунтування та формування суб'єктивності в класичній і сучасній філософії. Слідом за В.С. Стєпіним, приймаючи як методологічну установку поділ філософії на класичну, некласичну й постнекласичну, велику увагу автор приділяє темі суб'єктивності в постнекласичній філософії. Зосереджуючи велику увагу на текстах М. Фуко, Ж.-Л. Нансі, А. Рено, автор аналізує поняття суб'єктивності в ситуації «смерті суб'єкта». Особливу увагу приділено онтологізації індивідуалізму, на основі текстів А. Рено аналізуються передумови його виникнення в новоевропейській культурі. Проводиться різниця між суб'єктивністю й індивідуалізмом. Розглянуто критику суб'єкта модерної філософії з позиції антиіндивідуалізму та холізму. Критикуючи декартівського суб'єкта з його характеристиками цілісності й самодетермінованості, автор висуває тезу, що суб'єктивність конструюється за допомогою «технік себе» або «практик себе».

Ключові слова: суб'єкт, суб'єктивність, класика, постнекласика, практики себе.

Summary

Iergieieva K. I. The transformation of subjectivity: from cogito to practices of oneself. – Article.

In the article there are considered the approaches to justification and formation of subjectivity in classical and modern philosophy. Following by V.S. Stepin and taking as a methodological setting the division of philosophy into classical, nonclassical and post-non-classical, the author pays attention to subjectivity in post-nonclassical philosophy. Focusing on the texts of M. Foucault, J.-L. Nancy, A. Reno the term of subjectivity is analyzed in the situation of “death of subject”. The special attention is paid to the ontologization of individualism and its precondition in modern philosophy. The criticism of the subject in modern philosophy from the standpoint of anti-individualism and holism is considered. Criticizing the Cartesian subject with its characteristics of integrity and self-determination, the thesis is advanced that subjectivity is constructed through the “techniques of oneself” or “the practices of oneself”.

Key words: subject, subjectivity, classic, post-non-classic, practices of oneself.